

Анна Лерой & Даниэль Брэйн

ГОСТИНИЦА НА РАЗДОРОЖЬЕ

Даниэль Брэйи

Гостиница на раздорожье

<https://litres.ru/74204012>

Аннотация

ТОЛЬКО НА LITNET! «Мест нет», «у нас не курят», «я вас что, за пазуху себе поселю» — это я и мои двадцать лет работы гостиничным администратором. Где теперь этот трудовой стаж и заветные сорок пять в паспорте? Взамен — тело красивой девушки и кое-какие способности к магии. К красоте и умению колдовать прилагаются: наследство в виде халупы с вывеской «гостиница», магическая метла, во всех местах текущая крыша, ворчливый дракон-генератор, горничные-волчицы, отвязная мышка-наружка, прожорливые чайкуры, постояльцы от орка до эльфа, налоговый инспектор — упырь, это раса у него такая, а вообще он довольно мил, и совладелец, белоручка и дармоед. Отличный старт, ничего не скажешь. Где моя метла?

Обложка Ханны Хаимович.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	12
Глава третья	21
Глава четвертая	30
Глава пятая	42
Глава шестая	53
Глава седьмая	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Глава первая

Вот это я называю — искры из глаз. Все побелело, а потом и померкло.

— Михалыч? — слабо позвала я. — Эй, это что сейчас было?

Он ведь никуда деться не мог, его первого начало этим током корежить. Сотню раз говорила управляющему — наймите уже трезвого электрика, у нас же пять этажей и тьма народу! Но нет, где же его, трезвого, взять, хорошо хоть нетрезвый отличает плюс от минуса.

Я даже разозлилась, хотя от этого в груди как-то очень неприятно заболело. Только шевелиться было пока тяжело. Чтоб ему, этому Михалычу! Отличает он эти самые плюсы-минусы, как же, так отличает, что пришлось дурака от распределительного щитка отталкивать. Я ведь успела? Оттолкнула же. В голове, правда, как по барабану стучало, но провалов в памяти вроде бы не было.

День не задался прямо с утра, это я помнила, впрочем, меня это совсем не удивило. В люксе обои отклеились и кто-то потоптался по полотенцам ногой размера сорок семь, на кухню уличная кошка притащила голубя, а он возьми и оживи, что вызвало панику среди персонала. А еще, совсем уж некстати, столичные журналюги захотели поселиться, и нет бы люкс взять — не тот, что без обоев, а другой, со скрипу-

чими дверцами шкафа, они взяли стандартный, а это значило, что следить за пронырливыми постояльцами теперь придется посменно. А в довершение всего еще и свет. И нетрезвый Михалыч, который расплылся в улыбке и добренько так промычал «здрасьте». На что я посмотрела на него так спокойно-преспокойно, но, увы, в Михалыче было больше чем двести грамм, и мой специальный спокойный взгляд он проигнорировал.

— Ну што ты, красавишна, што ты смотришь и молчишь?!

— А тебя ничего не смущает? — я демонстративно указала на мигающую лампу, очередной перепад напряжения — и внутри нее со звоном клацнуло. Лампа умерла, не выдержав этой брэнной жизни. В остальных помещениях было не лучше, благо я быстро сориентировалась и скомандовала выключать свет и приборы повсеместно.

— Дак чего смущаться-то, в темноте же... — пробасил наш как бы электрик, но на ноги встал, пусть и пошатнулся. Я медленно выдохнула, подхватила его под руку и потащила за собой. Могла бы, все сделала бы самостоятельно. Ведь ничего, совсем ничего и никому доверять нельзя! Куда ни глянь, то безрукие, то безногие, то ума не досталось.

И пусть само мироздание намекало, что мне сегодня лучше сказатьс я больной и не выползать ни за какие коврижки из дома... Вот только я уже и не помнила, что такое отпуск, а больничный?.. Да, брала я пару лет назад его, на два дня меня грипп свалил. Так за эти два дня гостиницу ограбили,

потом чуть не спалили, трое клиентов отравились, а в люксе залили ковер вишневой бормотухой и подозрительно воняло сладковатыми духами, не иначе запрещенные развлечения в номера заказывали! Как там говорят — «кот из дома, мыши в пляс»?

А когда владелец переслал мне письмо из СЭС, мол, на нас жалоба, тут мой грипп и отступил. Это-то откуда появилось? Какое уж тут на диване лежать, когда без меня вся гостиница летит в тартарары! На моих плечах все держится, и именно одним из этих плеч я Михалыча и подпирала, пока мы не дотащились до щитовой. Даже удивительно, как это из-за очередного угла не выскочил журналюга с вопросом «а что это вы тут делаете». Я бы ему ответила, честно, от души и с высоты жизненного опыта — и что я делаю, и что с его лопатой-звонилкой станется, если ее выбросить в окошко. Но все же день тихо-мирно покатился дальше...

И тут этой гений электрики снова решил убрать похмелье электрофорезом, только чуть жестче. И я схватилась за метлу, она там и стояла на случай таких выходов!

Так, ну и где, кстати, моя метла? И свет-то где?

— Михалыч! Тут темно, как в муравейнике! Ты там жив? Лучше бы тебе живым быть, ты уже аванс взял!

В темноте что-то шевельнулось, я воодушевленно продолжила давить должностью:

— Ты свет собираешься чинить? У нас вся гостиница сидит при плюс тридцати без кондиционера и холодильника.

Или ты хочешь сам в холодильник попасть? Только уже в тот, который в морге? Если сейчас электричество не дашь, я тебя туда живьем укатаю!

Я сделала шаг в темноте и чуть не запнулась. О, метла, лежит как миленькая. Зная Михалыча, я без метлы в любом случае к щитку бы не сунулась. Потому что не в первый раз он, такой умный и грамотный, все знает и все умеет, да тут делов-то на пару минут, устраивал этот Армагеддон. Сейчас я тебя, неуч, этой метлой-то огрею! Кто из нас электрик с тридцатилетним стажем?!

Но, похоже, метла моя слегка пострадала. Подпалило, наверное, когда я Михалыча оттаскивала. И древко какое-то слишком гладкое, может, метла не моя? Нет, откуда тут чужой метле взяться, тут кроме нас никого и не...

Я так и осеклась на половине мысли. Темно было, конечно, хоть стой хоть падай, но я отлично знала, куда идти. В щитовой-то особо ничего и не имеется. Главное — не наступить на Михалыча, хоть и пьяный, но он мне еще живой нужен, света-то до сих пор нет. Так что я носком обуви уперлась во что-то и остановилась, предупрежденная, что впереди преграда. Только вот то, на что я чуть не наступила, на Михалыча похоже не было. Какое-то слишком оно здоровое, что ли, и дернулось от моего пинка. Михалыч бы не дернулся, он бы меня такими словами обложил, что стены покраснели.

— Ой, что это такое? — очень удивленно и цензурно

спросила я, хотя на язык, понятное дело, совсем другое пришлось.

Бояться я не боялась, не крыса поди, а в гостинице круче меня только горы, ну и собственник. Может, в щитовую что-то втихую контрабандное притащили? Я присела и щупала это нечто. По моим представлениям оно было теплым, приятным на ощупь, как кожа ящерицы, и пульсировало слегка. Живое, явно живое! Это нечто никак не могло отвалиться от Михалыча в процессе обесточивания гостиницы. Потому что Михалыч был бородат, волосат и даже в жару закутан в спецовку. А это что-то другое явно... И мне непременно надо было выяснить, что это и зачем оно тут лежит! Без моего ведома ведь пронесли! Я провела рукой влево и нечто кончилось, потом двинулась вправо... а оно, а тут оно еще толще было почему-то? Непонятно что, но гладить это было определенно приятно.

— Да-да-да, мадам, — раздался вдруг голос, не Михалыча голос, вот точно, — я уже даю свет. Пожалуйста, только не трогайте хвост.

— Э-э-э? Что?

Я аж выпустила нечто из рук. Хвост? Реквизит какой-то сюда принесли, что ли? Опять аниматоры заблудились и свалили свое шмотье, где не надо? Штраф им и побольше за беспорядок!

Или все не так было? Откуда вместо Михалыча незнакомый какой-то голос? Это кого из нас нас приложило? Или

меня, тогда мне чудится, или Михалыча, и у него голос изменился от электрошока? Если его, то не страшно, главное, чтобы он щиток починил. Чуйка подсказывала, что мою родимую стойку администратора уже на куски разносят разгневанные постояльцы.

А потом в щитовой вспыхнул свет. Я ойкнула, проморгалась и тут же попыталась с самым суровым лицом уставиться на электрика, но... Я вынуждена была признать, что нет, не на Михалыча... вот это меня приложило. Да так, что впору звонить «112»! И побыстрее, а то уже галлюцинации начались. Я не глядя опустила руку на бок, в карман, но там была всего лишь пара каких-то бумажек да тряпица. А? Мобильник мой где?

Я зажмурилась. Открыла глаза снова. Вокруг должна была быть почти родная до слез щитовая гостиницы «Красный матрос», она же отель «Джеральдина» после того, как гостиницу вместе с нами со всеми перекупили — как крепостных же, ей-богу! — четыре звезды, одну, кстати, управляющий сам ей подрисовал... Но ни в «Матросе», ни в «Джеральдине» такие знатные глюки меня не посещали. Ни когда в коридоре разбили флакон дешманской «Красной Москвы» и весь персонал надышался паров усиленной гадкости. Ни когда новый владелец решил устроить персоналу корпоратив, но сэкономил и закупился паленым алкоголем.

Передо мной лежал хвост, по виду — змеинный или другой какой ящерицы, но память еще ласково подсказала, что

таких ящериц не бывает. А если они и есть, то в кино и их драконами кличут. Хвост, само собой, переходил в массивную спину, украшенную рядом тупых треугольничков гребня, превращался в толстую шею и так до здоровенной таковой башки. Эта самая башка — вытянутая, тоже чешуйчатая, совсем ящероподобная — усиленно дышала пламенем в какую-то трубку, и от этого горел свет. Ну бред же!

— Ты же сейчас все нафиг сожжешь, — простонала я. Мне наплевать было, кто это и что оно делает, но оно же дышит открытым огнем! То есть вот сейчас сюда забежит пожарный инспектор, приход которого фиг угадаешь, и все, такие штрафы выпишет, что хоть почку продавай! — Фу! Перестань, перестань, я сказала! Плохая животина!

— Вас не поймешь, мадам, — обиделся дракон и повернул ко мне весьма симпатичную голову, хотя и немного хищную. — То дай свет, то перестань. И когда это драконий огонь против воли дракона мог что-то поджечь?

Я всхлипнула. Закрыла рукой лицо. Все еще всхлипывая, провела этой самой рукой сверху вниз. Ладно, с ума сходить оказалось не так и страшно, по крайней мере, черти не лезут и не пытаются мной руководить. Правда, такое все вокруг... сказочное какое-то. Это что же электричество мне в голове сделало... Оставалось надеяться, что это лечат. Хотя как-нибудь.

— Помогите, — негромко всхлипнула я, хватаясь за грудь, почему-то за кружево. — Скорую! Врача!

Я, конечно, шептала со страху, но дракон услышал. Я еще разок щупанула грудь — а удар током интересный способ убрать бочка и все лишнее, тело почти как в юности, хоть беги и электролипосакцию патентуй.

— Какой врач, мадам, отсюда до ближайшего города два дня пути, а до деревни — часа три напрямик будет. Так что, свет-то давать? Сами же попросили!

Вон оно что, Михалыч... Ты Михалыч или ты не Михалыч? Стой здесь, никуда не уходи.

Конечно, я не сказала, сил не было и слов тоже, я просто махнула рукой. Совершенно потерянная, как будто меня тоже пару раз метлой по башке ударили, я выбралась из облюбованной драконом норы. За дверью был коридор — деревянные стены, чадающие светильники и потрепанная ковровая дорожка на полу.

Бред! Ну бред же!

Дракон в дыре, врача нет, до города семь верст, и все лесом... Почему другим видения о рае приходят и розовых кушачах, принцы, эльфы, космос, миллионеры, а у меня снова гостиница? Да еще и проблемная? Это кара какая-то, других глюков для меня не завезли?

Но за фигуру, правда, кому-то спасибо. Идти мне было определенно легче, вот только куда?..

Глава вторая

Коридор продолжался, дерево под пальцами было самое настоящее, старое и уже всерьез нуждающееся в обновлении — полировке там, покраске или что с такими досками делают? В голове возникло страшное слово из глубин памяти — «проолифить», и я его повторила вслух. Как будто демона вызвала.

Ковер под ногами все норовил кинуться мне складкой под ноги, чтобы я споткнулась и обратила на него внимание. Я и обратила: да, замена тут явно была нужна, и сигаретами здесь баловались, сметая пепел на ковер, и шаркали ногами, протирая целые дорожки, а может, и работники тащили по полу что-то, когда это нужно было поднять и нести. Очень хочется иногда людям вырвать руки, но нельзя, они тогда вообще работать откажутся.

Я вспомнила о людях — а кстати, где люди-то все? Хоть одна живая душа? По идее весь «Красный матрос» должен уже буянить как пьяный в порту. Света нет, водка греется, закуска тухнет, администратор гуляет по собственным глюканам, а электрик обратился в дракона. Или не электрик, но Михалычу-то что, ему и до того, как его током шарахнуло, на все было пофиг, если сто грамм поднести, а сейчас так вообще хоть сжигай.

А светильники все чадили. И лудка первой попавшейся

мне на глаза двери была расцарапана когтями. Узнаю, кто принес кота — прикажу забить сортир, пусть вместе с котом в лоток ходит! Сказано же — мы не «петс френдли», и «как отель не “петс френдли”, у меня муж козел» тоже ответственности с гостя никак не снимает.

Я шла и шла по коридору и постепенно ощущала, как у меня медленно, но верно начинается глазной тик.

Это же мой глюк! Почему вокруг все такое убитое?! Да я даже дома после мытья посуды все капли воды протираю специальной мягкой тряпчочкой! А тут паутина под потолком и в углу, и между светильниками... Глюк — это повод взглянуть на свои расстройства? А может быть, это мой персональный ад? Тогда не хватает с десятков алкашей на этаже и гостя с мангалом в номере. Можно барана еще на балкон...

Коридор закончился широким залом-приемной. Высокие потолки с четырьмя черными коптящими массивными люстрами где-то в высоте. И кто их зажигает там? Неужели лестницу постоянно тащить? Стены — уже привычное дерево и неожиданно камень, пол — тоже дерево, но местами настолько печальное, что скрипело под ногами. Я быстро сошла с ковровой дорожки, которая продолжалась почти до широких впечатляющих масштабом дверей, потому что моя пятка в какой-то момент слишком глубоко погрузилась в пол, то есть я крайне удачно вступила в дыру.

Сразу перед этими большими дверями было подобие небольшой прихожей или уголка ожидания, намек на нее, су-

дя по просиженному почти до пола дивану с одной стороны и колченогой короткой скамейке — с другой.

Дальше справа от входа находилась... хм-м, стойка регистрации? Хотя больше она напоминала отделение почты или банка давнишних времён — с грубой решеткой, ограждавшей сидящего администратора от клиентов. Причем толщина прутьев была чуть ли не в два моих пальца. И я бы хотела посмеяться, мол, что за ерунда, но эти прутья были реально погнуты. В одном месте даже проступали выемки от пальцев, так сильно кто-то схватился за металл. Ладно, я видела буйных клиентов, но чтобы до такой степени?

Я смотрела вокруг с офигиванием и молча, как будто не было многих десятков лет жизни, как будто мой жизненный опыт стал бесполезным и теперь я была растеряна. А я не любила это чувство! Еще в далекой молодости набила шишек, ошибалась, нервничала, расстраивалась из-за каждой неудачи. Потом, конечно, взяла себя в руки и какой-никакой опыт работы появился. Но все равно еще годы, пока не вырвалась в администраторы, держать язык за зубами приходилось и не раз, молчать в ответ на оскорбления, сдерживаться, когда старшие по возрасту и должности творили чушь. И нет, уж что я не собиралась точно делать, так это сдаваться какому-то глюку!

Я решительно подошла к двери и толкнула с силой ее от себя. А она возьми и легко откройся, так что я едва не вывалилась наружу. Ни звука не слышалось, ни скрипа. Такая

тяжелая дверь должна была открываться так же тяжело, но, судя по всему, ее петли были даже слишком хорошо смазаны. Шагать вперед мне перехотелось почти сразу — солнце слепило, вокруг был лес, вперед двор — широкий, зеленый, с намеком на ограду. А по двору бродили... куры? Или нет?

— Куд-ку-кра?! — в тот же миг повернули ко мне головы черно-белые и коричневые птицы. Секунду назад они копошились в земле и траве, а тут — раз — и ко мне все заковыляли. А клювы! Клювы-то не куриные! А скорее чайачьи, и именно из них неслось противное громкое и кровожадное «куд-ку-кра!», как будто они воодушевляли своих же товарищей взять меня приступом. Я оценила свои шансы против такой толпы куро-чаек и нырнула обратно в дом, успею еще осмотреть окрестности. Например, ночью. Ночью же птицы спят?

— Дай? — попросила меня напоследок ближайшая ко мне куро-чайка. Или чайкурица? Да что я тебе дам, разве что пинка? И я захлопнула дверь.

В то, что глюк меня так быстро отпустит, мне не верилось. В куро-чаек не верилось, так же как и в зеленую слизь, спешно втянувшую свои тела внутрь дыры в полу. Я старательно отвернулась еще и от этого, а то можно всерьез решить, что люстры над головой тоже переговаривались. Слышала же я невнятное шушуканье откуда-то сверху.

Напротив стойки темнел проем входа в какую-то другую часть здания, куда идти совсем не хотелось, а также начина-

лась широкая лестница наверх. Вот она-то и привлекла мое внимание. Монументальная лестница, широченная даже. И что было удивительно, она выглядела почти новой, то есть и дерево ещё блестело лаком и ступени вытерлись, но на них не было страшно ступить. Деревянные львы с разъявленными пастьми облизывались на меня с перил, но вперед не бросались и... вообще, это все мое воображение! Я — ответственный серьезный администратор гостиницы, да у меня даже командировочные по струнке ходили! А сколько новобрачных пытались жечь свечи в номере или открывать самостоятельно шампанское... Ха! Этих я вычисляла нюхом, не иначе, и останавливала вежливым стуком в дверь за секунду до нарушения договора. Думали, если наволочкой бутылку обернуть, то и не слышно?..

В общем, преисполнившись уверенности, я шагнула на лестницу, хотя пустая регистрационная стойка заставила обернуться не раз и не два. За стойкой никого не было, но я почему-то была уверена, что кто-то же должен быть, и это беспокоило.

Я прошла один пролет, любуясь старинными гобеленами на стенах — еще пара лет, и из предметов искусства они превратятся в старые тряпки, все же за ними стоило ухаживать. Сюжеты были довольно прозаическими — сцены охоты, правда, тут в числе всадников и волки были, и другие странные животные, хотя охота велась на вполне себе знакомых кабанов. Может, отсылка к гербам знатных семейств

или просто «я художник, я так вижу».

Встречала я таких творцов, фиг потом поймешь, что на-калякано, а особо одаренные еще и расплатиться за проживание вот этим пытались, мол, я на выставке ничего не про-дал, но лет через десять вот это вот все будет стоить как три ваших здания. Видишь три загогулины и десять пятен, а это по задумке художника прекрасные девы льют воду на страж-дущих. Остальные сюжеты тоже радовали отступлением от реализма — и феи летали, и профиль остроухий был, и даже что-то на иностранном было написано. Хотя...

Я пригляделась внимательнее и в вытканном витиеватом шрифте распознала слова, типа «прочный лук дороже любых мук». М-м-м, философия, лозунги, как я это все люблю. Наш управляющий тоже как-то придумал что-то вроде «Работник отеля 4 звезды! Удовлетвори клиента!». Потом как-то взгляд его упал на проходящего мимо Михалыча, в общем, лозунг управляющий сразу снял, даже толком и не повесил.

На пролет выше лестница расходилась двумя рукавами в разные стороны и на разную высоту. С одной стороны — со второго этажа — свет был, а вот со второй — третьего или отдельного флигеля — было темно. По идее, идти мне было все равно в какую сторону, но тут с освещенной стороны стал доноситься звук. Кто-то очень быстро и дробно переби-рал ногами, а потом стал сбегать с лестницы. И казалось, я была готова встретить этого неизвестного, но все равно рас-терялась.

Нечто размером с человека врезалось в меня с разбега, тут же отпрыгнуло на пару шагов в сторону, приземлилось на все лапы, встало на задние и громко воскликнуло:

— Мадам Агата, какая радость! Какая беда! Что же делать, что же делать? Я же не могу, я девушка приличная!

И просяще протянуло ко мне лапы. Или протянула. Да, протянула. Передо мной стояла волчица, вот реально волчица, хотя и не совсем такая, как я в зоопарках видела. А скорее как те с гобелена, которые из луков стреляли и мечи в руках держали. Лапы, которые она сложила перед грудью в умоляющем жесте, были покрыты беленькой шерстью, но розовые подушечки я тоже успела увидеть, а сама волчица масти была светло-серой. Не совсем волк, не совсем человек... как это называется? Хуманизация? Нет, глюки совершенно у меня не гуманные.

Стояла она на двух задних лапах, дискомфорта явно не испытывала. И в довершение ко всему одета была в форму — длинное закрытое платье из тонкой ткани, а к нему кружевной передничек. Голову украшал обруч с нежно-розовыми и белыми тряпичными розами. И вела она себя как девочка-девочка.

Я себя ущипнула. Вот честно, а что я могла еще сделать в этой ситуации. Ну не щипать же саму волчицу? К тому же бедняжка смотрела на меня такими умоляющими глазами, что я не смогла отказать, так уж сильно она мне напомнила всех тех горничных, которых мне пришлось и не раз спасать

за свою карьеру. К кому гости приставали, на кого хотели повесить кражу несуществующих вещей, а кто и вовсе всего лишь чашку разбил, но не в том месте и не вовремя. Были, конечно, и те, кто просто морду жалобную корчил, а суть была дрянная, вот тех я увольняла без жалости.

— Что случилось?.. — я взяла себя в руки и сделала самое внимательное и серьезное выражение лица.

— Роза я, Роза, мадам Агата, вы три дня как наняли меня, из Шестовичей я, ключника вашего Врея двоюродная сестра, — потупила глаза волчица и сделала неуверенный книксен. Что? У моих ключников волки в роду? Ну, родня у меня, как и у всех, разумеется, разная, но это уже, подсознание, ты переборщило, и ключников не было отродясь, мы люди простые. — Я готова работать и работы не боюсь. Но это же позор для волчицы... Этот постоялец, он...

— Та-ак! Пойдем посмотрим, что за постоялец, — я поняла, что совершенно ничего не поняла. Но реальность или нереальность подбросила мне знакомую ситуацию, с которой я могла разобраться. А рефлексия, будет и для нее время. Сначала смену отработать, а после можно и за голову схватиться. Если, конечно, в этом глюке она вообще уцелеет, моя голова.

— Да, конечно, мадам, — поспешила по лестнице вверх Роза, прихватывая лапкой подол платья. Каюсь, я чуть подотстала, чтобы посмотреть на то, как она ходит, и поэтому с удивлением обнаружила, что на волчице еще и длинные пан-

талончики были, перевязанные внизу нежно-розовыми лентами. Чудеса...

— И как это понимать? Прислуга, которая сбегает от уборки? Света нет! Воды горячей нет! Что за обслуживание в этой глуши?! — постояльца я услышала уже на подходе к номеру, поэтому начала возражать издали.

— Добрый день, уважаемый. Какие-то проблемы? Свет есть, с горячей водой уже разобрались. А уборка?.. — я просительно повернулась к Розе, ведь это ее обязанность обеспечить уборку. Что абсолютно не вязалось со словами девушки о готовности к труду. Но она почему-то тоненько взвизгнула и прикрыла лапами глаза, а потом и вовсе отвернулась. Неспроста же!

— Так что с уборкой? Я, между прочим, почетный член академии словесных наук, дипломант эльфийских фестивалей, уважаемый в столичных кругах писатель! И я требую к себе должного почтения! — возмущенно сверкнул глазами этот голый, абсолютно голый и тощий мужик.

Глава третья

Мужик вид имел такой, как будто ему все должны были и как минимум по гроб жизни. Знала я таких, и не все эти значимые люди и правда были значимыми, иногда попадались откровенные пустышки. Они чаще всего и топали ногой громче, и нос морщили сильнее. А какой-нибудь дядечка, владеющий половиной городка по соседству, мог и улыбнуться премило, и горничным-девочкам помочь, и вообще проблем никаких не доставить.

— Ну?! — не выдержал моего молчания нудист.

— Уважаемый наш постоялец, будем считать, что вы меня впечатлили... кхем, своими членшествами и другими... заслугами, — хмыкнула я, не думая смущаться вовсе.

Что я там не видела? В отелях и гостиницах нудистов хватало, каждый месяц заселялись те, кто любил выйти так посреди номера, как раз во то время, как горничная ужин занесет или еще что, и покрасоваться. Мол, вот, смотри, какой жеребец, ах, поди, никогда такого не видала! Гордись, когда еще доведется такой красотой полюбоваться!

Только с моим жизненным опытом я видала всякое, так что впечатлить меня можно было хотя бы немного, если бы постоялец встретил меня голый, лежа на спине на потолке. И то скорее был бы вопрос: чем он там держится.

— Роза, милая, ты можешь быть свободна. Проверь, нет

ли последствий поломки и... — я запнулась, потому что не была в курсе, какое время суток сейчас — явно не ночь, но...

— Да-да, мадам, я помогу повару с ужином, — пискнула волчица, резко сделала книксен и быстро утопала по коридору, не оборачиваясь. Бедная девочка, приходишь в номер, а тебе чуть ли не в лоб — ты-дым-с, давайте познакомимся. Фу, позор.

— Так что насчет уборки? — грозно выпятил впалую грудь мужик.

— Давайте посмотрим, что именно вы хотите убрать, — я равнодушным взглядом скользнула по его телесам. Обнять и плакать, а лучше накормить, такой тощий он был. Разве что молоденьких волчиц пугать и годен. Дамы моего возраста скорее вручат пирожок и посоветуют не приставать к тете с непонятными просьбами.

Номер был весьма приличный, несмотря на некоторую потрепанность самого здания. Напротив двери два узких окна, слева стол, шкаф и стул и небольшая, открытая настежь дверь в санузел, а справа — большое зеркало ближе к окну и полуторная длинная кровать поперек комнаты. На стенах gobelены и неплохой рисунок, явно новый и нанесенный краской. Нарисованные горы были как настоящие, белые шапки манили прикоснуться к ним: казалось, я даже почувствую снежный холод, стоит мне сделать это.

Но вообще у меня мысль мелкала — это какая же часть «Красного матроса», то бишь «Джеральдины»? И что это за

номер? Люкс? В котором обои от стен отстали или где шкаф скрипит? И что это тогда за голый глюк? Откуда ему взяться, если, кажется, в том люксе женщины жили? Или они уже съехали? А может, я не в «Матросе», а на матрасе больничном? А Михалыч тогда там как и где? Свет-то дал или решил, что раз водка чужая, пусть греется?

— Вот полюбуйтесь! — нервно заметил мужик. — Мои истории зачитывали на собрании Чайного клуба королев-матери. Мои книги увез с собой в кругосветное путешествие знаменитый Эдуардо Кридда!.. Я в столичных пансионах жил, да меня в королевском дворце принимали!

М-да, вокруг было грязновато — на полу, столе и даже кровати валялись исписанные, заляпанные, скомканные листы бумаги, которые нельзя было трогать без присутствия постояльца. Но тут мой взгляд упал на нечто возмутительное: самые настоящие чернила растекались по столу и уже накапали на ковер. Такие же синие следы были на светлом вязаном покрывале, видимо, мужик решил вытереть руки и не нашел ничего лучше. Еще бы о шторы вытер...

Я едва слышно скрипнула зубами, градус вежливости снизился до критической отметки, когда я вместо сладкой улыбки и сарказма сразу начинала давить авторитетом, опытом и интеллектом, не давая даже дыхнуть, не то что рот раскрыть. Чернила вряд ли выведутся без следа.

— Полюбовалась, — ледяным тоном ответила я. — Счет за испорченные вещи вам выставят в конце вашего пребы-

вания.

— К-какие вещи?! Что вы себе позволяя... — хотел возмутиться мужик, но я прервала его резким жестом.

— А вы себе что позволяете? В королевском дворце вы тоже в таком виде разгуливали? Перед королевой-матерью трясли всяким? Можете поклясться, и свидетели есть? И повторить можете? — я хмыкнула, глядя в растерянные глаза мужика. — А если мы для вас не настолько хороши, так, может, вы поедете обратно в столицу? Я вызову вам экипаж, да? Или, может, стоит шепнуть кому-то, что вы, уважаемый, у нас проводите свое время. Наверное, сбегутся поклонники такого великого таланта. И вы выступите перед ними в том самом естественном виде, в котором имели смелость разгуливать здесь, в моем доме?

Меня несло, честно, я даже не задумывалась, какие именно слова попадали на язык. Какое-то внутреннее чутье буквально вынуждало меня давить на нудиста, наступать на него. И он вдруг испугался, побелел — то ли от слов про возвращение, то ли при упоминании поклонников. Но его проняло, он попятился, отступая от меня, а я наоборот почувствовала слабинку и заручилась мыслью «куй железо, не отходя от кассы».

— У нас приличное заведение, зарубите это себе на носу! — я не рассчитала силу, с которой высказывалась, и буквально щелкнула зубами у самого лица мужика. Тот вдруг неестественно взвизгнул, взмахнул руками и пропал в белом

облачке дыма, а вместо него...

Я хлопнула глазами, глядя себе под ноги. А вместо мужика на полу сидел белый-белый песец. Очень недовольный, но такой мягкий даже на вид, что мне тут же захотелось шапку из него, ну или воротник.

— Вот это... песец, — до меня мгновением спустя дошло, что произошло. Голый мужик стал шерстистым комком. Это похуже, чем дракон огнедышащий, хотя с точки зрения визита инспектора — как посмотреть.

— Попрошу не выражаться! — заворчала зверушка, открывая рот и реально произнося слова. — Не песец, это моветон и оскорбление, а песеглавец!

Да хоть песезадец, подумала я, наблюдая, как белоснежная шапка, вильнув хвостом, направилась к зеркалу, видимо, чтобы собой полюбоваться. Я тоже глянула в ту сторону и так и обмерла.

Это вообще что такое? Это что за непотребство у меня вместо лица? Где мои заслуженные морщины — следы ночных смен и сурового выражения? Я же теперь скорчить соответствующую мину не могу, чтобы все за задницу схватились, судорожно соображая, где облажались? Где моя суровая межбровная складочка, по глубине которой становилось ясно, насколько нам задерживают зарплату? Или гусиные лапки от нервных подмигиваний, благодаря которым все сотрудники понимали вмиг, что у нас «тайный покупатель»? Где я, песец меня подери?

Нет, у меня не было седины и за собой я следила, гостиничный бизнес не терпит раздолбайства и отвратительного вкуса. Если ты не владелец. Тогда, конечно, без комментариев: твои деньги и только тебе решать, как их пролюбить. Но ни один кремчик или сыворотка, даже с вытяжкой из грудного молока и слез девственницы, не сделал бы мне такое лицо — то, которое я сейчас видела в зеркале. Разве что зеркало испортилось... Хотя белого песка, тьфу ты, песеглавца, оно показывало точь в точь.

— Эм-м, господин песе... главец, — как ни в чем не бывало позвала я. Как бы внутри я ни офигевала, снаружи нужно лицо держать, особенно если так и хочется шандарахнуть этим самым лицом о стол. — Ответьте честно, вы не замечаете разницы между отражением в зеркале и происходящим в комнате?

Судя по взгляду песка, он решил, что я окончательно двинулась. Но не буду же я на глазах у постояльца ощупывать себя? А пощупать тут было что — и кожа гладенькая молодая, и волосы все еще свои, не крашенные, и грудь колесом. Ого-го какая грудь! Не болели ноги, это я сразу заметила, вес был намного меньше, но я тогда значения не придавала. Не ломило поясницу, когда поднималась по лестнице. И чтобы рассмотреть рисунки на гобелене, я не прищуривалась, как обычно. Но причину тому видела только сейчас.

Из зеркала на меня смотрела... ну почти что я — версия молодая, не сказать чтобы улучшенная, но явно не потрепан-

ная ни дефицитом девяностых, ни вседозволенностью двухтысячных, и уж тем более эта девочка в отражении никогда не отбивалась от стаи язматерей на первое июня. Но у нее был тот же волевой подбородок, мой подбородок, так что я вдруг поняла, что эта девочка тоже бы справилась. А может, среди песцов и волчиц в панталончиках тоже немало работы и проблем.

Было странно смотреть в зеркало, шевелить руками, подмигивать и понимать окончательно, что в зеркале-то я. Как такое возможно? Как скоро меня отпустит этот глюк? А если не глюк это, то что? Вопросы пока оставались без ответа.

— Итак, господин песеглавец, — я не стала спрашивать имя, так даже более угрожающе звучало. — Что вы скажете в свое оправдание? Ковер раритетный — одна штука, покрывало — натуральное — одна штука. Стол лакированный — требует ремонта благодаря вашим действиям — одна штука. Все это совершенно не входит в плату за комнату. Но я могу сделать вам одолжение: можете оплатить испорченные вещи, когда будете выезжать. Как скоро, кстати?..

— Я... Да я... знаете, с кем знаком?! — но пытаться угрожать, когда у тебя лапки и нос черной кнопкой, заведомо провальная стратегия.

— А вы знаете, с кем знакома я?! — в эту игру можно было играть до бесконечности. И выигрывал на самом деле не тот, у кого знакомств больше, а тот, у кого чувство собственной важности выше и выражение лица самоувереннее.

Вот песец и сдущся, хотя чего он от себя-то ожидал, творческая личность, поди. О, заикаться уже начал, вызывая у меня приступ «погладить бедняжку». А что? Давно заметила, когда гладишь воротник песцовой или норковой шубы, на душе так спокойно становится.

— М-мне нужно отправить несколько посланий, вызовите ко мне горничную после ужина. Вы же понимаете, я не брал в глушь больше средств, чем нужно для жизни там, где не на что тратить золотые монеты, — произнес песец.

Да чем ты говоришь-то, мысленно восхитилась я. Понятно, что ртом, но он же зверь и так-то у песка не те голосовые связки! Он же только тяфкать способен. Должен. Но нет, говорил.

— Конечно, понимаю, все будет сделано. А убраться придут во время ужина, чтобы не мешать вам, — с достоинством королевы-матери я чуть склонила голову, как бы давая понять, что вы, конечно, здесь платите, но громить вам ничего никто не даст. И демонстрировать всякое приличным волчицам тоже.

Песец поскреб лапками, затоптался на месте то ли от неудобства, то ли хотел обратно превратиться в человека. Смотреть на него голого желания не было, так что я выплыла из комнаты, быстро пожелав хорошего пребывания в нашей гостинице... Узнать бы еще, как это место называется и сколько сейчас постояльцев, сколько работников и будет ли вообще этот самый ужин.

Или узнать бы вообще, как попасть обратно в «Красный матрос». Хотя давно любой столичный хостел давно обошел нас по части клиентоориентированности, но оно же свое, родное. И демонстраторы как-то привычнее, а то — песец.

Ну, песец, со вздохом подумала я. Ну, допустим, даже немного полный.

Я быстро сбежала вниз к регистрационной стойке, пока спускалась, показалось, что за ней кто-то был. Но вот когда подошла уже конкретно ближе, никого не увидела. Можно было спихнуть все на контузию от удара электрическим током, ну мало ли, что мне мерещится, но после волчиц и песцов я готова была допустить любую чушь. И привидения в том числе. Так что я набрала в легкие больше воздуха и прошипела:

— Что за шуточки?! У нас приличное заведение, поувольняю всех к ядрене фене...

Нет, я ждала, конечно, разного, но не того, что из-за моего шипения рухнет люстра.

Глава четвертая

Люстра падала величественно, с мелодичным грохотом и шиком. Разом погасли свечечки, затренькали стекляшечки, кто-то сказал «ого» и — хрясь! — массивным бронзовым наконечником люстра прошибла пол. Я же молча смотрела, как из дыры в потолке вырывается открытое пламя и с аппетитом облизывает все вокруг. Все, приплыли, спасайся кто может и кто не может, сейчас вся эта дивная гостиница вздохнет и вспыхнет, и поминай как звали. Кстати, а как? У этого всего есть название, кроме «дыра дырой»?

— Мадам Агата, мадам Агата!

Перед глазами у меня вились маленькие феечки. Меленькие и миленькие, с крылышками, тонкими ножками и ручками, в платьицах из лепестков, они повинно щебетали. Апофигей творящегося безобразия! По идее появиться им стоило в тот момент, когда Михалыч сказал «ща все буит», а я поверила, как будто мне двадцать пять. Вот как раз тогда мои искры из глаз должны были в феечек переродиться, но что-то запаздывало. Глючный глюк, обновления бы ему, а то как наша программа для учета гостей с иностранным паспортом — она даже не загружалась, не открылась ни разу, что вынуждало меня заподозрить, что оно не просто не работало, а и не должно было работать, так, фикция. Хорошо, что самый дальний гость у нас был из Бобруйска и реагировал как

любой человек, отлично знающий русский язык: «Да и хрен с ним».

Я попыталась цапнуть рукой феечку, но она оказалась проворной. То ли и правда нематериальная, то ли у меня рефлексy снижены. Все еще разглядывая пламя и прикидывая, не пора ли уже делать ноги, пока и потолок мне на голову тоже не рухнул, я обернулась к стойке. Неразумно? Кто спорит. Но когда подсознание творит такую фигню, можно немного расслабиться. Бывало, мне снилось, что я на работу в чем мать родила пришла, ну так это же сон, и реагировали все на меня нормально... Вот и теперь, сгорел сарай, гори и хата, так сказать!

— Мадам Агата, мадам Агата! Мы не нарочно! Мы все сделали! Как велели! — пищали феечки, закладывая очередной вираж.

— А как велели? — спросила я, потому что отметила — пламя как вырывалось из отверстия, так и продолжало. Как нельзя кстати я вспомнила, что драконий огонь ничего не подожжет, если дракон того не возжелает...

Э, а если вдруг возжелает? Неужели все держится на доброй воле огнедышащей рептилии?

— Мадам Агата, мадам Агата, мы повесили мусор и выбросили люстру! Мадам Агата, мы свободны?

Что? Я закрыла лицо ладонью. Так было проще всего этого не видеть. Правда, если руку убрать, то все равно ничего никуда не девалось: хлопающие крошечными глазками фе-

ечки, торчащая из пола люстра и огонь.

А вот и та самая дыра в полу. Елки-моталки, тут все и так на соплях держалось! А теперь даже сопли не помогут!

— Дно пробито, — заключила я, и правда, днее некуда было, да еще и эти феечки. — Э-э... хватит мельтешить! Фу! Стоять! Смирно!

Не особо я на это надеялась, но феечки замерли. Я сосчитала их — двенадцать штук. Трепыхают крылышками, глазами хлопают, размером каждая с мою ладонь. И как они вообще эту люстру подняли? Я уже не спрашивала, как ее теперь из дыры вынимать. На всякий случай я все же убедилась, что феечки мне не мерещатся: протянула руку и наконец-то успешно пощупала одну, ко мне самую ближайшую. Не сказать, что ей это понравилось, мордочку кривила — вот реально мордочку, не лицо! — но терпела. Живая вроде бы, мягкая, правда, не теплая. Нежить, что ли?

— Мадам Агата! — это уже явно не феечки. Женский голос.

— А? — я встрепенулась и обернулась. Никого. — Кто это сказал?

Но вокруг никаких незнакомых лиц не было, хотя почему-то казалось, что на грохот сбегутся все, даже мертвецы из могил восстанут, но нет. Песец и тот предпочел отсидеться. Откуда-то донесся удивленный вскрик, откуда-то так далеко, что я сделала вид, что ничего этого вовсе не слышу.

— Мадам Агата?

Конечно, я долго могу делать вид, что ничего не вижу и не слышу. Но я отмерла, с тоской посмотрела на свою руку, вздохнула и ущипнула себя еще раз. Первый раз я это проделала, кажется, в тот момент, когда передо мной появилась волчица. Надо было запомнить — почувствовала я что-то или же нет?

Сейчас почувствовала точно, больновато, а стало быть, все это реальность, не сон. Искаженная, странная, с феечками и драконьим огнем, с песцами и голосом в моей голове, но реальность, а не «Красный матрос», которого нет. О как... Мне бы присесть, да только из обозримых мест либо продавленный диван, либо колченогая скамья, и до них еще добраться надо, с места сойти. А у меня тут огонь и феечки, и голос.

Мысль, что вокруг не глюк, я приняла как-то покорно, как данность. А наблюдение за огнем и правда очень успокаивающее занятие. Да и кружащиеся феечки. Правда, они то и дело опускались на пол и там возились с чем-то, дико напоминая ярких попугайчиков, были у нас такие в «Красном матросе», жаль, что недолго... Вспомнив о кончине птичек, а они с таким удовольствием бросались людям под ноги, что мы даже заподозрили в них целеустремленное губительное пристрастие, я тут же уставилась себе под ноги. Может быть, тот, кто орет ниоткуда, орет потому, что я на него наступила?! И тут голос сорвался...

— Ну-ка взяли и повесили люстру обратно!

Нечеловеческий визг с ревом ворвался мне в несчастные уши, которые чуть ли не трубочками свернулись. Феечек словно сдуло — ветерок от визга и правда поднялся неслабый, даже окно где-то хлопнуло. А потом я все так же заторможено наблюдала, как люстра словно сама по себе поднялась вверх, позвякивая висюльками. И пока я медленно, как старинный компьютер с оперативной памятью в двести пятьдесят мегабайт — ну совсем как мой домашний, хоть всплакнуть от тоски! — обрабатывала информацию и пыталась поймать в поле зрения того, кто так эффективно орнул, люстра привесилась к потолку, пламя ушло в нужную трубку, зажглись свечечки... Лепота!

— Мадам Агата, да не расстраивайтесь вы так, — голос раздался справа. Ура, что не из-под ног.

Я вздохнула и почти с такой же печалью, как смотрела на свою зарплату, взглянула на того, кто появился за стойкой. Причем с таким же точно ощущением: вот оно вроде бы есть, а на самом деле и нет.

— Доброй ночи, мадам Агата, — вежливо со мной поздоровалась пустота, в которой медленно проявлялось всякое. Иногда такое, что волосы на голове захотели сползать куда-то к теплему морю и пальмам. То есть подальше.

— А где ты раньше была? — брякнула я в ответ.

Ничего умнее я почему-то сходу и не придумала. Да и спросить, что она такое, тоже бы не помешало, плевать, что не слишком вежливо. Потому что я видела, конечно, детей,

больше похожих на старичков, и старушек, которым хотя бы со спины можно было дать лет двадцать, но это?.. То ли девочка, ладно, совсем молодая женщина, то такой престарелый образчик того, что на том свете давно с фонарями ищут или даже с собаками, как особо злостного прогульщика. Волосы то золотистые, то седые, то ли плащ на ней, то ли саван, но вообще существо довольно-таки симпатичное. У фей мордочки были, прямо сказать, немного тупенькие, а это... эта персона располагала к себе внимательным умным взглядом.

— Я всегда на посту, мадам Агата, вы запомнили? А по поводу фей не волнуйтесь, бывает. Они же глупенькие, им больше одного поручения разом давать нельзя. Вы если что, меня спрашивайте, я давно в «Раздорожье», еще прапра-дедушка пра-пра-пра-бабушки деда дядюшки сводного брата отца бабушки вашего папеньки не родился, а я уже на посту была.

Что-то это было как-то очень давно, взгрустнула я, сбившись на генеалогии бывших владельцев уже в самом начале. Да что говорить, ого-го какое строеньеце древнее. Даже удивительно, как здесь еще стены стояли!

«Раздорожье»... А название ничего, «в целевую аудиторию», как говорил тот наемный маркетолог, который хотел «Матроса» обозвать «Сэйлормун». Мол, и похоже, и потребитель привык. Вот только что-то там с какими-то правами потом не заладилось, а так эмблемка новая гостям нрави-

лась, только Михалыч все говорил «срамота». Нашему сидмину наоборот нравилось, еще и называл ее «тян», и он же потом эту сейлормуну в «Джеральдину» перефотошопил.

— Так что если какие вопросы, я тут всегда, — продолжала регистраторша. — Никуда не уйду, все про всех знаю...

— Как тебя зовут?

Нет, это надо было такое ляпнуть? Я и так, мягко говоря, сейчас выгляжу не особо: в глазах растерянность, в голове пустота, руки не трясутся только потому что в бока кулаками уперлась. Если у меня остатки авторитета и оставались, то как-то неразумно я ими распорядилась.

— И ты можешь остаться э-э... в одном облике? В глазах рябит, извини.

А хотя лучше было еще про возраст спросить, чем сморозить еще большую глупость. Про возраст тоже была бы чушь, но на просьбу регистраторша серьезно обиделась. Даже жаль стало, что обратно в горло слова не запихнешь.

— Так мы, банши, облик не выбираем, мадам Агата. Про-являемся с наступлением ночи, к рассвету исчезаем. Если мадам считает, что я как лицо вашей гостиницы старовата...

— Нет-нет-нет! — поспешно выкрикнула я. Какой позор! Соберись, тряпка! Или я прямо сейчас беру себя в руки — плевать, насколько ситуация мне знакома, или мне остается признать, что я спасовала, растеряла весь профессионализм. — Нет, я просто... — А что я просто? Я просто током ударенная и вообще ничего не пойму. Хорошо что пока гума-

ноиды из розетки не лезут, хотя тут розеток нет, а что-то зеленое я уже, кажется, видела...

— Да я все понимаю, — заулыбалась банши. — Говорила же, не мучайтесь с моим полным именем, его никто запомнить не может, зовите меня просто Биби, ну и если что нужно, обращайтесь. Понимаю, одной-то с таким хозяйством управиться сложновато.

— Да, например, что делать с дырой в полу?

Я спросила не то чтобы у Биби, а так, вообще. Диаметр у дыры был почти два метра, а подходить ближе к краю и посмотреть детальнее у меня желания не было. Пол и без того еле держится, провалюсь еще в какое-нибудь царство Аида и буду куковать, глядя, как грешников крошат в салат оливье Церберу к обеду. Здесь хотя бы лица милые, дружелюбные. Ну не все, но нельзя требовать от судьбы слишком многого. Надо сжать булки в кулак. Я же только что тут всех строила. Вот буквально пару минут назад.

Окей, допустим, что вокруг какой-то другой незнакомый мне мир, но хотя бы гостиница! Могла бы быть и больница, а вот это было бы уже в разы хуже, я только целительных людей могу прописать. А то и вовсе университет какой, куда мне учиться, если я уже давно работаю! А в гостинице что для меня может быть новым? Песец, феечки, банши... да много чего. Но зато понятен смысл происходящего и что с этим делать: управлять, все как обычно.

— А ну сюда, бабочки с лапками! Быстро! Ваша работа?

Вот и устранили дыру! Живо! Стой! Стоп! Перестаньте! Фу! Брысь! — я заорала, замахала руками, потому что работали феечки, конечно, споро и скоро, но вот с пониманием местного языка у них точно были проблемы. — Бросьте все немедленно!

М-да, подумала я и оглядела яму, которая за какие-то пару секунд успела еще увеличиться. Потому что «устраните» — ну, как феечки это поняли: разберите вообще до основания все, и плевать, что пола тогда вообще не будет.

Где-то внизу возмущенно булькнуло — наверное, то самое зеленое желе. Кому понравится, когда ты там уютно устроился, а соседи сверху по тебе уже начинают ногами ходить?

Что сказать? «Взяли доски и...»? Черт знает, где они их возьмут. «Заделайте дыру»? Вроде бы никак двояко не поймешь, но кто их знает, там мозг размером с высушенный грецкий орех.

— Починили пол, быстро! Как было все сделали! — взвизгнула Биби, к счастью, не так громко, как в первый раз, и уперла руки в бока. А я подумала — вот, принцип управления персоналом тут примерно такой: поставить задачу, повезет, выполнят. И еще подумала — интересно, я, то есть Агата, тут, выходит, человек относительно новый? Прелюбопытно... А показалось, что я тут должна быть уже давно. Впрочем, чего мне только уже ни казалось...

Или, может, это с позиции Биби я новенькая? Я глянула

на нее несколько искоса, сейчас она была сама как девушка семнадцати лет. Но она же еще мамонтов помнит, наверное. Вместе с этой дырой. Вот точно часть материала для ремонта гостиницы — дендрофекальный композит, причем оба компонента тоже того же периода. Феечки тем временем залатали дыру — фиговенький косметический ремонт вышел, не то чтобы совсем как до этого было, наступать туда лучше не надо, но хотя бы с виду пол был цел.

— Спасибо, — искренне сказала я. Да, растерялась. А кто бы не растерялся? Да этот кто-то в истерику впал бы еще при драконе. Биби улыбнулась и опять превратилась в старушку, пошарила за стойкой и насыпала на нее самых обычных подсолнечных семечек. И я, хлопая глазами, смотрела, как феечки накинулись на угощение и точно птички еще и скандалили, пытаясь выдрать конкурентке по еде волосики или оттолкнуть от кормушки..

Пока я наблюдала за ними с приступом ностальгии, подумала, что у этого места, у «Раздорожья», должен быть и хозяин. Что там сказала Биби? Что-то про моего отца. Видимо, он был хозяином раньше. А новый тогда кто? Повезло — и это я? И хотелось, и не верилось, что мне может перепасть добро вот так просто.

— А есть уставные документы? — спросила я и чуть со всей дури не хлопнула себя по губам. Я бы еще пароль от вай-фай попросила или «Убер» заказать. — Ну хоть какие-то документы есть?

— У меня? — удивилась Биби.

— Да нет, на гостиницу, — попыталась я выкрутиться. — Ну вдруг кто придет, проверка какая... — Она должна быть, не может ее не быть, везде, где есть шанс пожить, ходят проверки. Неважно что проверять. В «Матросе» что за его долгую жизнь только ни искали! Вот мужик у нас жил, числился в федеральном розыске, за алименты, правда, но уводили его красиво, с журналистами, даже телевидение что-то снимало. Так себе реклама, конечно, но интерьер на региональный канал попал, приятно.

— Ой, мадам Агата, документы, разумеется, есть! — воскликнула Биби и пропала за стойкой, а у меня от сердца отлегло. В нашем деле документы — первое, и неважно, что постоялец в обморок упал, главное его успеть зарегистрировать, а потом уже скорую вызывать. Потому что если он нелегальный мигрант, платить будешь как за здорового.

Передо мной появилась изящная дамская ручка, тут же ставшая бабушкиной, а потом и вся Биби целиком. Во второй ручке старушки она держала лист. Не бумаги, самый обычный лист, смахивающий на кленовый, только раза в три больше. Но материал меня не смущал — там явно просматривалась печать!

Я прищурилась, вчитываясь в витиеватую вязь, больше по старой привычке. Гостиница «На раздорожье», категория «два орешка» — что так мало-то? Агата... ого! Если Агата Милфорд — это я, а имя достаточно редкое, так что шан-

сы есть, то я здесь указана как владелица помещения? Однако, какой приятный сюрприз, хмыкнула я самодовольно и продолжила дальше читать. Дальше шел бесконечный перечень — регистрация в налоговой, регистрация в пожарной инспекции, регистрация в обществе охраны труда нежити, регистрация в профсоюзе нежити, а они тут активные, подумала я и зыркнула по сторонам, вдруг где зомби сидит под кустом, профсоюз собирает, регистрация в банке, регистрация залога... что?

Какой еще залог?

Вот чего мне и в «Матросе» не хватало, так это умения разбираться во всяких юридических тонкостях. Но слово «залог» мне знакомо было — то паспорт оставляли, то телефон, иногда жен пытались. Неприятное слово, потому что это значило, что постоялец нам денег должен. Но это документ обо мне и гостинице. А кому должна денег я?

Вот в соседней строке накалякано было. Имя я не то чтобы очень разобрала, да и неважно оно мне. В конце концов, есть ли разница, как зовут совладельца твоей же гостиницы, правда?

Глава пятая

Почему-то эта новость меня убила.

Когда-то, очень давно, кто-то из гостей подарил мне лотерейный билет. Ну подарил и подарил, я и внимания особо не обращала, лежал он у меня под стеклом и лежал, пока не принесли очередные газеты и я от нечего делать не проверила, что с ним и как. И билет, как ни странно, выиграл. Немного, миллиона два-три еще в те времена, когда пиво тысячи стоило, то есть если считать на современные деньги, тысяч пятьдесят, но все равно же приятно! Только когда я пошла этот выигрыш забирать, оказалось, что я перепутала восьмерку и тройку и не выиграла вообще ничего. Так вот... досадно, конечно. Не смертельно, но все равно что новое платье, которое тебе так идет, не успев из квартиры выйти, порвать, что только на выброс.

— Вот я как знала, что не надо вам это давать, — сокрушалась Биби. — Вы расстроились! Вернете вы ему долг, выплатите, и залог сразу снимут. Ну лет триста-четыреста еще осталось.

Это тебе, блин, осталось, хотелось заорать мне, а мы, люди, сроки жизни считаем как бы не месяцами! Кредиты, по крайней мере, у нас на месяца дают! Но хоть все остальное было в порядке, и я вернула лист на стойку. Губозакатывающей машинки у Биби там, случайно, нет?

И какая сволочь из моей родни умудрилась влезть в долги до седьмого колена?

— Ему-то тут тоже не нравится, — развела ручками Биби. — Он-то тоже себе это наследство не выбирал.

Жуть. Два наследничка на сундук мертвеца, йо-хо-хо и бутылка рому... О! А вот это было уже мне знакомо: своевременное питание, оно отлично нервы лечит, да и Роза что-то там говорила про ужин. Проверить надо, чем тут кормят, мосольчиков песцу и... да елки-моталки! Ему же надо было горничную прислать, чуть не забыла!

— Биби, — командным голосом сказала я, — постояльцу, тому, который писатель, после ужина горничную пришлешь. Только, — я хмыкнула, — мужского пола. У нас же такие есть?

— Ари? Гномку? — понимающе улыбнулась Биби. — Пришлем Ари. С топором или пока так?

— Пока так, — сжалилась я. Не видела я еще эту Ари, может, она топором быстрее думает, чем головой, а у нас там местная знаменитость. Открожит ему еще что-нибудь ценное, судя по всему, это явно не Роза, нежный лепесточек.

И я направилась на кухню под завершающее чириканье феечек. В тот самый темный коридор, между прочим, хотя чего я уже там не видела. Бессмертная Биби стала той гранью, за которой страшно уже не было.

Кстати, кухню в гостинице найти всегда очень легко: по запаху.

А хорошую кухню можно найти по обалденному запаху. Вот именно на такой я и шла. Казалось бы: пахнет жареным мясом и соусом, но так может сказать только тот, кто видел еду разве что со стороны ресторанного гостя. Так-то любой повар, даже с руками совсем уж в заднице, сможет на тарелке изобразить вкуснятинку, а вот запах из кухни — дело другое, чем из кухни пахнет, то вы потом и будете есть... И вот так-то много отвратительного — смесь рыбы и мяса, горелого и масла, чеснока и других ядерных специй, но в таком сочетании, что плакать хотелось, а не есть.

Но здесь по коридору неся запах искуcительный и манящий, я даже приосанилась и сглотнула слюну. Пусть и в залоге, но все же моя гостиница, и кормят здесь, судя по запаху, отпадно. В «Красном матросе» нас — коллектив — особенно разносолами не баловали, и не потому, что повар был плохой, а потому, что гости предпочитали все по-старинке. Щи, борщ, макароны, каши, максимум вольностей — канашки какие-нибудь с макрелью. Так что я жалобы нашего Ивана Яковлевича понимала прекрасно: стоило всю жизнь простоять у плиты в ресторане еще при Союзе, потом пройти всякие курсы в Париже и Милане, чтобы гости в итоге отказывались это все жрать... Есть, извините.

— Э, как так? — только и могла сказать я, когда распахнула дверь. Серьезно?

То-то Роза так беспокоилась... Просто, а где все?

Нет, как бы к тому, что гости останутся сегодня голодными.

ми, вопросов не было: не останутся. Огромная кухня была чистой, обустроенной, напичканной всякой утварью, колбасами со специями, поварешками и ложками, а на одной стене и вовсе висели листки бумаги с меню, судя по столбикам записанных слов. Кухня не простаивала. Жарко горела печь, шкворчали сковородки, на плите закипал соус. Но кто бросает ужин без присмотра?

— Да я вас всех! — я была не просто в гневе — я была страшна. В этом облике, возможно, не очень, но все приходит со временем. Вон у нас в «Матросе» не было тараканов, клопы были, тараканы нет, потому что они на кухне от одного моего взгляда, кажется, передохли. Ну или сотрудники предпочли всю ночь бегать с тапком наперевес, но больше я ни одного усатого приживалу не видела. А ведь искала. — Где кухонный персонал?

— Ой что вы таки кричите, мадам, — раздался голос, и я, уже наученная предыдущим опытом, начала вглядываться в углы. — Таки вы должны знать, я не терплю на кухне всяких раздолбаев и белоручек. Таки у кого нет рук — на кухне делать нечего. Я таки сам прекрасно справляюсь.

То, что я приняла сперва за обычную прихватку, зашевелилось и повернулось ко мне. Ну, сказала я себе, уже не очень и удивленная, это же — как его? — Вещь. Такая, как в фильме про Аддамсов. Ничего странного. А чем она говорит?

— Штук — таки повар высочайшего класса, а не босяк ка-

кой, — продолжала рука и в доказательство своих слов ловко подхватила кастрюлю с соусом и так изящно разлила продукт в нужные посудины, что я только диву далась. Ни капельки не пролил! — Не берите в голову дурного. Таки извольте отпробовать, если не верите.

Кто же откажется? Я цапнула кастрюлю, которую Штук вернул на место, чтобы тут же заняться жарким, и сунула палец в остатки зеленоватой гущи. М-м-м... мать честная! Да это же просто пища богов!

— А это что, маэстро Штук? — поинтересовалась я, открыв ближайшую ко мне сковородку.

— Таки орочьи яйца, мадам! Изысканнейший десерт!

А, орочьи яйца... ну бывает. Я вежливо угукнула, но дальше спрашивать не решилась, правда, палец еще раз облизала. Вкусно же!

Но все-таки мое присутствие на кухне Штука нервировало. Ну, это я приняла спокойно, Иван Яковлевич тоже не особо привечал посторонних в своем хозяйстве. Поэтому я важно кивнула и прошла к выходу в ресторан, по пути отмечая, что еще мне лично нужно будет продегустировать. А то все такое вкусное! Да, пожалуй, тут я быстро обратно наем бочка...

Свет в ресторане был слегка приглушен — тоже явление неудивительное, так делается для того, чтобы гости не считали, что бросаться на еду уже вот прямо сейчас можно. Не слишком удобно, зато не дергает никто персонал.

Правда, тут стало мне немного не по себе, потому что на столы накрывали все те же феечки... только, кажется, на этот раз самцы, но присматриваться я не стала, поостереглась их лишний раз трогать. Эти тоже вряд ли отличались умом и сообразительностью, не имеет же значения, какого эта сущность окажется пола. Вид-то один — феечки. А значит, не роняют ничего на пол, и то хорошо.

Оказалось, что огромные часы на стене показывали без пяти минут семь, и не успела я отметить этот факт, как свет вспыхнул ярче и ударил гонг. Негромко, но фейки засуетились, ускорились, затем раздвижные двери разъехались, в зал выплыл поднос с семечками и тут же уплыл обратно вместе с потоком фейков, сразу видно, что отлаженная система. А я пошла к дверям в ресторан — надо же встретить гостей, не так ли? Хоть посмотреть, кто у меня тут еще обитает, кроме песка, на ужин-то они все вылезают, оплачено же. Заодно надо прикинуть масштаб катастрофы.

Потому что пока мне казалось несколько странным, что в гостинице все давно сыпется, а ресторан — как только что выстроен. Или морок какой? А что я тогда попробовала?

Величественно, как тесть на свадьбе, выплыл метрдотель — кудри черные в цвет костюма, мрачен и преисполнен величия, жуть, в общем — и поклонился. Мне, конечно, а я рассматривала его, пытаюсь себя убедить, что вряд ли он пришел сюда поужинать, тем более мной. И совсем маловероятно, что к гостям он тоже испытает гастрономический

интерес, но все равно нужно было держать ухо востро, а нашее шарфик. Метрдотель, сверкнул алым взглядом, выпрямился, подошел ко мне и поцеловал мне руку... Облобызал даже! О боже, вот так делать больше не нужно, пожалуйста!

— Вот так больше делать не нужно, пожалуйста! — с трудом придав голосу твердость, попросила я.

— Как скажете, мадам Агата, — метрдотель обаятельно улыбнулся, а я рассматривала свою пятерню. Укусил? Не укусил? — Графские корни дают о себе знать, мадам, несмотря на то, что я никогда не чурался простого труда. — Он со своей клыкастой улыбкой распахнул дверь, потому что гонг ударил второй раз, а я подумала — ну вампир, ну подумаешь, с кем не бывает. Главное, чтобы он гроб не хранил на рабочем месте.

А не сказать, чтобы у меня тут была полна коробочка... Песца, кстати, я не увидела. Была парочка бледных эльфов — он и она, и, судя по всему, они всего лишь лет триста как поженились, потому что никак не могли друг на друга налюбоваться и все ворковали как голубки. Был родственник метрдотеля, только толстый. Интересно, с чего бы ему, подумала я и стала за ним наблюдать, но гость-вампир заказал фейку рататуй и мороженое. То ли вегетарианец, то ли фигуру блюдет. Вкатилась колобочком низкорослая кудрявая дама с о-очень волосатыми ногами, и через пару минут стол перед ней чуть не ломился от яств. Куда только оно все влезть должно?! Этак она мне лестницу поломает, с досадой

подумала я, но ничего не сказала.

Собственно, с гостями я обменивалась любезностями типа «добро пожаловать, надеюсь, вы всем довольны» и делала это на автомате. Если гость недоволен, то не жрать идет, а к стойке администратора, мне ли не знать. Пока все было довольно мило. Хоть ресторан не требует от меня никаких жертв.

— Добрый вечер, добро пожаловать, надеюсь, вы всем довольны, — улыбнулась я в очередной раз, и солидная как водонапорная башня орчиха — с клыками и при зеленой шевелюре — сунула метрдотелю роскошную корзину с яйцами.

— Позаботьтесь, Мишель, — небрежно бросила она, и я проворно скомандовала:

— Отнесите их маэстро Штуку, Мишель, скажите, пусть положит их пока в холодильник.

Надо бы тоже попробовать, что за деликатес, мимолетно подумала я. Но орчиха вдруг обернулась ко мне ошпаренной фурией:

— Вы что себе позволяете?!

Ну ладно, вздохнула я.

— У нас готовы орочки яйца, мадам, но если вы желаете...

— Это невозможное хамство! Как возмутительно!

Да что тебе не так-то? Я уставилась на Мишеля, сознавая, что где-то по незнанию накосячила, а орчиха продолжала бушевать:

— Я плачу вам немалые деньги! Да как вы смее! У вас,

людей, отвратительное чувство юмора! Как язык повернулся так пошутить?

— Мадам, уверяю вас, мадам Агата не хотела вас обидеть, — пришел мне на помощь деликатный граф-метрдотель. — Как вы верно заметили, люди! И их чувство юмора! Ха-ха-ха! Я позабочусь о вашем потомстве, сейчас я попрошу пианиста исполнить для них сюиту! Я прекрасно знаю, как важно для детей в таком периоде культурно просвещаться...

А? Что? Погодите, так это ее потомство? У меня сердце чуть не стало. Что же там тогда у нас шкворчало на сковороде?

— Стой! — я схватила Мишеля за рукав, пока он не смылся вместе с наследниками. — Стой, надо срочно сказать на кухне, чтобы орочки яйца не подавали. Ужасно, ужасно. Наверное, Штук успел приготовить ее первый э-э... ее первую кладку!

— Кладку? — захлопал глазами вампир, прижимая к себе корзинку. — А-ха-ха, мадам Агата, какая же вы шутница!

— Да, первостатейная, — сглотнула я и притянула его к себе за шиворот так, чтобы нас больше никто не услышал. — Быстро мне объяснил, в чем прикол. То есть подвох.

— Никакого подвоха, — прошептал Мишель. — Яйца — дети, а то, что на кухне, тоже яйца, но... самцов. Очень вкусно, хотя мы, вампиры, их не едим. Слишком много жиров.

— Самцы орков несут яйца? — недоуменно переспросила я. Кажется, мой мозг стал под тормозивать на этом моменте.

— Хах!.. — начал Мишель, но осекся. — Нет, мадам, они их носят, но после брачной ночи сбрасывают.

— Понятно, — деревянным голосом сказала я. — Иди пой яйцам колыбельную. Громче, чтобы здесь слышно было и постоялица всем была довольна.

Ужин продолжался, но эпических ошибок больше не было с моей стороны. Правда, мне было крайне интересно, где же песец. Он так и не явился, впрочем, больше гостей и не было. Вампир вяло трескал мороженое, эльфы ворковали, орчиха наворачивала шикарные блюда на пару с волосатым колобком, а я только слюни глотала.

— Это какой убыток, — пробормотала я.

Да, огромный. И проблема. Повару не скажешь готовить меньше — это народ творческий и ранимый, обидится и уйдет. А готовить столько же — куда это все потом? Выбрасывать? И если это все гости... да у меня убыточный бизнес! У меня одни феечки и фейки сожрут больше, чем мы заработаем, ужас, кошмар! И даже если остальных кормить не надо, но дракон, который огнем пыхтит, однозначно жрать требует. И чему удивляться, что тут все из дерьма и палок, когда у нас на такой размах гостей раз-два и обчелся?

Караул. Просто — помогите. Но никто мне здесь не поможет, кроме меня самой. Хочешь не хочешь, но надо брать все в свои руки, налаживать и оптимизировать. Два орешка — позор. «Матрос» в свои худшие годы выглядел презентабельней, а у него два этажа в эти годы закрыты были из-за

забившейся канализации и запах стоял такой, что даже клопы передохли.

Здесь же ресторан на сотню гостей. На сотню! Мамочки! Мамочки, кажется, я успела к последнему «прости» этой гостиницы. Что-нибудь тут еще можно сделать или проще сжечь ее? Ах да, мне вряд ли дадут, здание же в залоге...

И как раз в этот момент двери открылись, на пороге нарисовался новый гость и припечатал меня тяжелым убийственным взглядом.

— Добро пожаловать, — не менее убийственно отозвалась я.

Глава шестая

— Добро пожаловать, — не менее убийственно отозвалась я, однако тут же заставила себя вымучить почти что добродушную улыбку. Нет, ну правда, клиент всегда прав и всякое такое. Мало ли, может, мужчина прищемил молнией самое дорогое или кредиторы пообещали его подвесить за большой палец ноги. Чему же тут радоваться? А человек существо такое гадкое, что если ему плохо, то и весь мир должен страдать. Но мой профессионализм не должен был дать повторную промашку и окончательно угробить мой авторитет. Так что я скривилась, то есть еще сильнее доброжелательно оскалилась, и предложила:

— Прошу к столу, сегодня наш повар в ударе.

Но обещание вкусной еды почему-то на угрюмого гостя не подействовало. Он еще больше прищурился, вглядываясь по сторонам, а потом бочком-бочком слинял в самый темный угол и сел еще и спиной к стене так, будто хотел объять взглядом весь зал.

Я мысленно пожала плечами и на какое-то время отвлеклась, как раз зал покидал вампир, а еще стоило проверить корзину с яйцами-детьми, чтобы не случилось никакого конфуза, когда орчиха возжелает снова воссоединиться со своими будущими чадами. Хм-м, даже интересно, все ли они вылупляются одновременно, а когда это происходит, то не

сходит ли мамаша с ума, потому что в корзинке яиц где-то с дюжину, если не больше? Правда, если характер у мамыши уже изначально склочный, то, может, не особо что-то и изменится.

Так что просканировала я зал на вопрос, не рухнет ли все от моего отсутствия, и плавным шагом от бедра — чтобы длиннее был и быстрее идти — ринулась в ту сторону, где скрылся метрдотель. Из ресторана был выход в небольшую комнату отдыха, чтобы на рояле побряцать и винца откусать в приятной тесной обстановке, то есть своего рода в курилку. Но сейчас там, естественно, никто не курил. Да и вообще — безопасно ли в «Раздорожье» курить?! Не вспыхнет ли оно как спичка, несмотря на присутствие дракона? Сертификат пожарной безопасности у нас был, но насколько он отражал действительность? Не зафейчили ли мы мозги инспектору или просто обильно и вкусно накормили?..

С этими мыслями я ворвалась в курилку, ожидая, собственно, услышать переливы, ну или хотя бы заикания «Собачьего вальса». Вот только встретило меня хриплое басовитое исполнение:

— А белый греmlin поутру ворует лук и курагу на ферме той, куда с тобой я прибегу... Я куплю тебе дом на лугу в Загразовье и тебя приведу в этот собственный до-о-ом! Заведу чайкурей, и с тобой, и любовью будем бегать за ними, виляя хвостом! — пел седой волчара, покачивая одной лапой корзинку с яйцами, а второй помогая себе выпускать из

пасти клубы дыма.

— Эт-то еще что?! — охнула я, быстро захлопывая за собой дверь.

— А, мадам Агата, мое почтение, — волк прикоснулся к невидимой шляпе пальцами, в которых торчал толстенный огрызок сигары или чего-то похожего. Сначала я заинтересовалась феноменом «курящий волк», а потом взвилась на дыбы. Курение среди персонала? Да еще и на рабочем месте?!

— Вы что себе позволяете? Курение на рабочем месте?! — прошипела я.

— А почему, собственно, и нет? — мягко растерялся волчара.

— Это запрещено персоналу как минимум! — отрезала я, на что волчара оскалился и качнул головой:

— Нет такого в договоре о найме.

— Что?.. — но я тут же взяла себя в руки, надо было прочитать не только уставные документы, но и все остальные. Может, здесь совершенно другие стандарты. Но это не значило, что я не могла их поменять, хотя сейчас об этом думать было несколько поздно. Так что я зашла с другой стороны.

— Здесь дети вообще-то.

— Они даже не дышат, — сверкнул весело желтыми, как деревенское сливочное масло, глазами волк. — И так уж и быть, буду дымить в другую сторону...

— Это помещение для постояльцев, а дым здесь — это неприемлемо, а запах!.. — я прошла вперед и стала напро-

тив волка, очень недовольно сверля его взглядом. Да с таким персоналом никаких врагов не надо! Все, что не раздолбают феи, сожжет брошенный лапой окурок. А у меня еще залог не выплачен!

— Мадам Агата, — низко пророкотал волк, убрал лапу с орочьих яиц, зато зачем-то подхватил мою руку и втянул внушительным носом воздух возле моего запястья. — Вы четче скажите, чего ваше сердце желает?

И глазами сверкнул, гад шерстяной, ловелас мохнатый! А я если и опешила на секундочку, то всего лишь на нее, родимую, а потом руку свою высвободила и ласково так потрепала по уху волчару. И улыбнулась нежно-нежно, чтобы в следующий миг рявкнуть:

— Я тебя сейчас этот бычок сожрать заставлю! Сказала не курить!

— Желание хозяйки — закон, — басовито расхохотался волк и в тот же миг затушил бычок и закинул его в пасть, облизав морду темно-красным языком. А потом вдруг по-простецки и стульчик мне предложил, и окна открыл проветриваться, да и вообще вид принял импозантно-надежный. А затем расположился рядом, но на приличном расстоянии, мигом напомнив одного моего ухажера — эх, какой шикарный образчик зрелого мужчины был! — и уже по-деловому продолжил: — Мадам Агата, вы наконец-то ожили, рад, очень рад!

— То есть ожила? — сбледнула я. Это что же получалось,

что я тут тоже умирала? А вдруг еще и бродила неуспокоенная. Сразу захотелось потянуться и пульс свой пощупать, хотя в зеркале вроде бы вид был цветущий — никакой зеленцы и следов некондиционности, как там в кино показывали.

— Так с утра очень уж печальные ходили, бледные и вялые, — перестал улыбаться волк и покачал головой. — Я даже спросил, вот, значит, не нужна ли помощь какая. Ключник, он-то должен быть всегда и везде первым, все знать и за всем ведать: кому какой харч выдать, а кому и не почесавшись отказать. Где какой расход среди работников и в каком номере гости, ковер сожрамли, животом маются.

— А маются? — зацепилась я за последние слова. Значит, это и был тот самый Врей, который родственник Розы. А я, здешняя я, с утра была бледной и нехорошо себя чувствовала. Странно все это.

— А то как же, — хмыкнул волк. — Токмо я настоечку Розе передал от живота, чтобы коврик-то быстрее вышел. Есть у нас в закромах и такое.

Постойте!.. Ключник! Это как эконо́м, что ли? То есть кладовщик даже скорее, припасами заведует. Вот с кем мне тоже нужно беседу провести и на эти самые припасы поглядеть. Вот кто мне должен отчитываться, что в гостинице есть, а чего никогда не было и не будет. Но не успела я и рта раскрыть, как дверь в курилку распахнулась, явив нам орчиху-мать.

— И где музыка? — коршуном взвилась она, уже готовая

взорваться. Видимо, еда придала ей вовсе не благодушия, а какого-то другого наполнения.

— Ох, прошу прощения, милая мадам, — пророкотал волк и вдруг мягко запел: — Ноченька лунная, звездная, ясная... Можно иголки искать. Выйди, любимая, за день уставшая, в рощице буду я ждать...

Орчиха приложила руки к груди, а когда волк закончил петь, то без слов сгребла корзинку и тихо-тихо исчезла. Магия прям какая-то! Хотя, не спорю, задевал волчий голос что-то внутри дамского сердечка, умел волчище пользоваться преимуществами. У меня тоже перед глазами как пеленой затянуло призрачной, хорош голос, иначе не сказать. Ах, если бы не хвост... Тьфу на тебя, Агата! У него небось и блохи есть!

— Мадам Агата, я — простой волк и не знаю красивых словес, — вдруг пророкотал Врей. — Но... эх, будь вы на лет пятнадцать старше, не удержало бы меня ничто! Под окнами вашими пел бы, луны встречать зазывал!..

— Уволила бы я вас тогда, — розовая пелена слетела быстро, все же опыт не пропьешь, давненько прошли те годы, когда лапшой на моих ушах можно было кормиться месяцами. — Шум под окнами — вред репутации заведения!.. И вообще, что у нас с инвентаризацией?

— Вот так всегда, ты ей сердце подарить жаждешь, а она — про матерьяльные ценности, — хохотнул волчище, мигом меняя манеру поведения, поклонился и вытянул руку, пред-

лагая пройти обратно в ресторан. — Узнаю мадам Агату, будет вам пересчет всего и всяк. Токмо вы с чернушником-то переговарили? Надо нам на каждый чих одобрение его или он того, самозахоронится в башне-то? Ан нет, выполз, злыдня чернокнижная...

Я покосилась на волка, а тот буравил глазищами темный угол, где за столиком все так же куковал мрачный мужик. Вот это мой совладелец? А чего такой недовольный? Это мне фактически стоило губы поджимать и носом воротить, мне же залог выплачивать. Хотя если ему эти деньги не нужны и все настолько осточертело, то мог бы и не приезжать, и вообще от каких-либо выплат отказаться. Я вообще за альтруизм и благотворительность, особенно в свою сторону.

— Не переговорила еще, сейчас как раз и пойду, — успокоила я волка и, настроившись на то, что легко не будет, направилась в сторону столика в полумраке.

Мужик заметил меня издалека и тотчас же еще сильнее скривился, хотя, может, ему что-то не понравилось в том, что фейчик принес на подносе. Вон как носом водит — длинный нос, породистый, и даже ни разу не ломаный, следов, по крайней мере, не видно. Чем ближе я подходила, тем больше лица пряталось за длинными черными волосами, как за шторами, пока в итоге не остался один нос и краешек подбородка. Но страннее было другое — мужик не приступил к ужину, это он не из-за меня и моего надвигающегося присутствия, а занялся какой-то ерундистикой. Из карманов он

достал кучу колбочек и еще целый кисет с разными крючочками, щипчиками и другой мелочевкой. От каждого блюда он отщипывал кусочки и то и дело проверял в растворах, и нюхал, и глазом глядел. Короче, цирк на выезде. Так что подошла я в относительно веселом настроении:

— Не отравлено, — хмыкнула я.

— Вы так говорите, потому что не положили туда яд, или уверены, что кто-то другой не мог положить, — достался мне нервный и грубый ответ. — Если не можете ответить на все вопросы положительно, то не мешайте.

— Это паранойя, уважаемый. Или нам еще завести того, кто блюда будет пробовать? — не выдержала я. День все-таки тяжелый выдался. А тут еще этот — мало того что кредитор, просто неприятный тип.

— Да вы и сама замечательно с этим справляетесь, — брякнул странное мужик, сгреб все свои приборчики, подхватил несколько блюд из предложенных и черной кляксой выбежал из ресторана.

Однако... Это на что он намекал? Неужели на то, что неспроста Агата сегодня с утра чувствовала недомогание? Неужели она что-то съела, когда пыталась поговорить с этим невежливым гражданином-параноиком? Или он вовсе не параноик? Мне было крайне важно узнать ответ на этот вопрос — реально вопрос жизни и смерти. Так что я быстрым шагом направилась вслед за умчавшимся совладельцем, все равно далеко не уйдет, гостиница небольшая.

Я нырнула из ресторана в коридоры для сотрудников, запетляла темными поворотами и чуть заблудилась, но благо вовремя услышала чьи-то шаги в полумраке. Некто остановился буквально в нескольких шагах от меня. Я слышала дыхание, тяжелое и даже какое-то решительное. И когда напряжение стало почти невыносимым и мне до одури захотелось уже шагнуть вперед и нарушить звенящую тишину, я услышала вопрос:

— Ты выйдешь за меня?

Глава седьмая

— Что? — ошалело переспросила я. По голосу вроде не Врей и не мрачномордый совладелец. Но знакомый кто-то определенно.

— Выйдешь? — Настойчивый-то какой! Умоляющие нотки тоже присутствовали, прямо слышалось невысказанное «ну, пожа-а-алуйста». Вот еще! Я открыла рот. Закрыла. Снова открыла. Внезапно же, черт возьми. Вот так просто и замуж? Ну очень внезапно, даже не...

— Твоя смена, ты и выходи! — резкий женский рев меня аж к стенке припечатал. — А будешь филонить, мадам Агате нажалуюсь!

Я реально не могла понять, откуда доносятся голоса, но меня попустило. Ох ты ж, елки-мotalки, чуть сердце не стало! Это же не мне предложение, а всего лишь сменами поменяться. Можно выдохнуть, так и до разрыва сердца недалеко, пусть и в таком юном возрасте. То травят какой-то фигней, то предложение делают. А жить мне когда?

— Марта, свет очей, крылья шелковые, меня жена со свету сживет! — доносилось из... Ах да, кажется, вентиляционной шахты. — Мне детей надо в интернат собирать, с огородом помочь, а я тут с утра до ночи дышу как проклятый!

— Наглый ты, Сигизмунд, — проворчала неизвестная мне пока Марта. — Пламя с тобой, иди к жене, это не ради тебя,

плешивого, это все моя женская солидарность! Глаза бы мои вас, мужиков, не видели, хоть драконьих, хоть каких!

Мне все стало окончательно ясно. Это же мой источник света с напарницей договаривался. И слышно было их так хорошо из подвала. Интересно, а где же все-так Михалыч? Неужели вместе со мной попал и прямо Сигизмунду на обед? Или спокойно себе поднялся, отряхнулся и пошел квасить дальше... Теперь-то повод был и весьма значительный, администратор-то преставилась!

Или я тоже жива и здорова, только мы местами со здешней Агатой поменялись? Фиг поймешь! Но если есть хотя бы намек на обмен, то можно же как-то и обратно все проверить... Конечно, в девичьем теле пребывать — это очень даже соблазнительно, кому же охота обратно к ноющей пояснице и песням готовенького Михалыча под окном кабинета. Вот только девочку Агату жалко, она должна себе свою поясницу заработать, а может, и нет, если здесь медицина живет и процветает. Хотя кого я обманываю, какая медицина и наука, если у них тут вампиры салатики трескают, а волки сигары курят! Явно какая-нибудь тумба-юмба и алохомора сразу лечат и ревматизм, и диарею. Но я четко была уверена, что каждому человеку свое отмерено и чужого мне не нужно.

Если возврата нет, то это другое дело, но пока... приглядываюсь и ищу пути и намеки. Ну и навожу красоту и уют, и пусть только попробует мне кто что-то против сказать!

Пока я размышлениями преисполнялась, что-то звякнуло

— и драконьи голоса стали тише. Наверное, кто-то из них закрыл заслонку.

Я закатила глаза, покачала головой, поиграла бровями, в общем, выполнила тот минимум, который говорил: как же я все-таки разочарована! Ну или зла, в зависимости от контекста. Не тем, что предложение руки и прочего ливера не мне, а всем. Ну или конкретно — мрачным совладельцем.

Нет ничего хуже, когда не работа, а черт знает что. Марс Телескопович — наградили же родители имечком, — владелец «Джеральдины» и бывший завхоз «Красного матроса», как бы ему погано вместе с «Матросом» ни было, на дележку доли не соглашался. И правильно делал. Тут если тонуть, так лучше одному, потому что второй или третий совладелец только оттянули бы «Матросу» конец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.